

Пресс-конференция

Резонансное решение по делу об “экстремизме”. Будет ли продолжение?

Независимый пресс-центр, 14 апреля 2011 года

Участники:

ГЕФТЕР Валентин Михайлович, директор Института прав человека

ЖЕНКОВ Виктор Юрьевич, адвокат Александра Калистратова

КАЛИСТРАТОВ Александр Викторович, подсудимый (прямое включение из Горно-Алтайска)

ОДИНЦОВ Михаил Иванович, общественный защитник Александра Калистратова (аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ)

Женков В.Ю.: Уголовное дело в отношении Калистратова было возбуждено в начале июня 2009 года, то есть почти два года назад. Больше года шло предварительное следствие и 7 месяцев уголовное дело рассматривалось в суде.

В чем обвиняли Калистратова? В том, что он с октября 2008 года по декабрь 2009 года возбуждал ненависть. Непонятно в ком возбуждал (по делу нет потерпевших), непонятно каким образом возбуждал, но якобы возбуждал.

Интересно, что весь этот период времени, с октября 2008 года по декабрь 2009 года за Калистратовым активно велось негласное наблюдение. В течение 9 месяцев прослушивались его телефонные переговоры, в том числе с его адвокатом, то есть со мной. Негласно прослушивались также телефоны других верующих. Негласно изымалась вся почтовая корреспонденция Калистратова. Все то время, когда он якобы совершал преступление, он находился, как говорят в шпионских фильмах, под колпаком. О каждом его шаге правоохранительные органы знали все.

И сами понимаете, если бы Калистратов действительно совершал преступления своими действиями или словами, то это все было бы задокументировано и сведения о

совершенном преступлении находились бы в материалах уголовного дела. Но таких сведений в уголовном деле нет.

И, тем не менее, уголовное дело было возбуждено. Почему? Потому что Кемеровский государственный университет подготовил так называемое экспертное заключение на литературу Свидетелей Иеговы. Почему я говорю «так называемое»? Потому что Кемеровский госуниверситет не является экспертным учреждением и не имеет права проводить подобного рода экспертизы. Исследование проводили преподаватели Араева и Осадчий, которые не являются религиоведами, а психолог Яницкий часть публикаций вообще не исследовал, но заключение подписал. Заключение не отвечает требованиям Закона о государственной экспертной деятельности и является ненаучным, такое мнение было высказано в суде со стороны специалистов.

Тем не менее, на основании этого горе-заключения уголовное дело было возбуждено.

Расследовали его 7 следователей Отдела по расследованию особо тяжких преступлений, а также 2 оперуполномоченных отдела «Э» и 2 оперуполномоченных ФСБ.

Что выясняли в ходе следствия? Во что верят Свидетели Иеговы, какие праздники отмечают, наряжают ли на новый год елку, ходят ли на выборы, служат ли в армии.

Как вы думаете, это относится к экстремизму? Разжиганию ненависти? Абсолютно не относится. Причем выясняли не в отношении конкретно Калистратова, а в общем, в отношении вероучения Свидетелей Иеговы. Причем Конституция РФ говорит, что государство не вмешивается в то, какие праздники верующие празднуют. Что участие в выборах — это право, а не обязанность. Что службу в армии можно заменить на АГС, а следователи все равно выясняют.

Кроме того, в ходе предварительного следствия пытались установить личности всех Свидетелей Иеговы в Республике Алтай. Такое впечатление, что на каждого гражданина России стремятся завести досье — кто какого вероисповедания.

7 июня 2009 года следователи СК при прокуратуре пришли в зал, где проходят богослужения, и никого не выпускали, пока не переписали персональные данные всех присутствующих: фамилии, имена, отчества, адреса. Кроме всего прочего, каждого из них лично обыскали без составления каких-либо протоколов личного обыска, изъяли у каждого личную библейскую литературу, все свалили в одну коробку, а им даже не выдали никакого процессуального документа, в котором было бы перечислено изъятое лично у них имущество.

Я, как адвокат, пытался понять — в чем вина этих граждан? Единственный вывод, к которому прихожу: их вина в том, что они пришли не в тот храм. Они забыли спросить у представителей власти, в какой храм нужно ходить, чтобы никто тебя не обыскивал, не ограничивал в свободе, не переписывали бы. А знаете, какой самый распространенный вопрос задавали следователи допрашиваемым свидетелям? «Как вы относитесь к православным священникам?» Я не знаю, какой ответ хотели услышать от свидетелей, но все отвечали, что относятся к священникам как к обычным людям.

И вот дело направили в суд. Что происходило в суде? В суде был допрошен 71 свидетель и 2 специалиста. Ни один не сказал, что Калистратов возбуждал ненависть или кого-либо оскорблял. Все говорили о том, что Калистратов замечательный человек, миролюбивый и ни к кому ненависти не питает.

Доводы защиты в суде заключались в следующем. Мы считаем, что должен соблюдаться принцип правовой определенности. Закон должен быть таким, чтобы гражданин понимал — где нарушение закона, а где разрешенные действия. Чтобы было понятно, о чем идет речь, приведу пример. Мы все сегодня пришли на эту пресс-конференцию. Это разрешено законом? Сегодня да. Представьте, что завтра выйдет закон, запрещающий свободу слова и подобные конференции. И вот через полгода или год к вам приходят следователи прокуратуры и говорят: «Собирайтесь, господа, мы возбудили в отношении вас уголовное дело» — «За что?» — «За то, что 14 апреля 2011 года вы участвовали в пресс-конференции». Вы в недоумении: «Но ведь она же была тогда разрешена». — «Неважно. Мы считаем, что вы в ней участвовали с целью возбуждения ненависти». Абсурдная ситуация, правда? Но это то, что произошло с Калистратовым.

Калистратов стал Свидетелем Иеговы в 1994 году. Часть литературы, указанной в обвинительном заключении, уже была к этому времени издана. Калистратов на тот период времени понимал, что эта литература законная. Он сам ее не печатал, автором текста не являлся, но он с ней знакомился, зная, что ее читают во всем мире. Как читателю, ему что-то понравилось в этой литературе, показалось интересным и он дает другим почитать. И так продолжалось 15 лет. Государство все это время разрешало Калистратову распространять всю литературу, указанную в обвинительном заключении. Причем не просто молча наблюдало, а гарантировало Калистратову защиту от вмешательства в его свободу совести. Конституция РФ в статьях 28, 29 говорит: распространяй свои убеждения. Закон «О свободе совести» говорит: гарантируем свободу твоей совести. Управление Юстиции регулярно проверяло Организацию, в которой Калистратов был председателем, и говорило: все хорошо, Калистратов, действуй в том же духе, распространяй литературу, это твое право. Таможенные органы, Органы печати, разрешающие ввоз литературы, все говорили: Калистратову можно распространять. Так было 15 лет, и вдруг Калистратова сажают на скамью подсудимых. За что? За действия, которые он совершал тогда, когда ему это было разрешено. У меня возникает вопрос: для чего все эти годы нужно было разрешать распространять литературу, разрешать Калистратову действовать в соответствии со своими убеждениями. Для чего? Для того чтобы теперь сказать, что эта деятельность была преступна и ты должен ответить? Это что, действительно позиция государства — сначала разрешать, а потом за это сажать?

В связи с этим в суде важно было ответить на 3 вопроса:

Первый. Имели ли место те события, которые описаны в обвинительном заключении? Суд пришел к выводу — не было таких событий.

Второй. Даже если бы Калистратов распространял что-то из них, то можно ли это назвать преступлением? Нет. Это не преступление. Закон сегодня разграничивает преступление и административное правонарушение. Поэтому правоохранным органам необходимо просто очень внимательно читать закон.

Третий. Если Калистратов распространял литературу, то с какой целью? Приведу пример: все мы ходим в магазин и совершаем одни и те же действия — берем с прилавков товар. Но одни берут с целью купить, а некоторые, чтобы украсть. От цели зависит преступные действия или законные. Обвинение утверждает, что цель Калистратова — возбудить ненависть. На чем основано утверждение? На том, что публикации, которые он распространял, якобы возбуждают ненависть. Чтобы в этом разобраться, мы целую неделю тщательно исследовали каждую из 48 публикаций с участием специалиста, профессора Наговицина. Первый журнал, который мы исследовали, назывался «Женщины. Какое у них будущее». Мы прочитали этот журнал в суде от корки до корки,

почти дословно, и никто, в том числе прокурор, не увидел в нем разжигания ненависти. Мы спросили у профессора Наговицина — на что направлен этот журнал? Он ответил — на то, чтобы люди ценили женщин и их нелегкий труд. Мы спросили — можно утверждать, что этот журнал направлен на возбуждение ненависти? Он ответил: «Нет». И так по каждой из 48 публикаций. И ни в одной из них профессор не обнаружил возбуждения ненависти. Мы исследовали в суде более десятка экспертиз специализированных экспертных учреждений, а также иных известных учреждений, таких, как Институт Русского языка им. Виноградова. Некоторые публикации были исследованы в 3 или 4 различных учреждениях. Но выводы однозначны — эта литература не направлена на возбуждение ненависти. Если столько специалистов: лингвистов, религиоведов и психологов не обнаруживают в них возбуждения ненависти, то почему Калистратов, не будучи специалистом должен был в них увидеть такие признаки? Нельзя требовать от Калистратова, чтобы он мыслил так же, как преподаватели Кемеровского университета. Нельзя требовать, чтобы он принимал их ошибочное суждение.

Поэтому Калистратов был оправдан. Вынесенный сегодня приговор свидетельствует о том, что обвинения против Калистратова и других Свидетелей Иеговы в Горно-Алтайске абсолютно необоснованны и служат ярким примером неправомерного применения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Беда правоохранительных органов сегодня состоит в том, что часто они неверно понимают этот Закон, а также статью Уголовного кодекса о возбуждении религиозной ненависти. Они ошибочно полагают, что если ты, как гражданин, хвалишь свою религию, но не хвалишь другие, если ты заявляешь, что твоя религия единственно истинная, а другие, стало быть, ложные, то это возбуждение ненависти. И на этом было построено все обвинение. Но позвольте, у нас ведь не времена средневековой инквизиции. Любая религия считает только себя истинной. Вы знаете религию, которая хвалит не себя, а другие религии? Нет таких. А вы встречали гражданина, который бы сказал – я искренне верующий человек, принадлежу к определенной религии, но моя религия ложная? Нет. Человек потому и принадлежит к определенной религии, что считает только ее истинной. У меня в руках православный катехизис, он написан по благословию патриарха Алексия. Вот из него цитата: «Ответ. Истинная вера только одна. Вопрос. Как же в настоящее время говорится о многих верах: православной, католической, лютеранской, баптистской, Пашковской, менонитской, молоканской, ново-молоканской, адвентистской, духоборческой, толстовской и других? Ответ. Из всех этих многочисленных религий и вер только одна есть вера истинная — православная, а остальные все ложные. Они измышлены Дьяволом и человеческой гордостью, они называются или ересью, или сектой. И кто оставляет истинную веру и идет за этими бесовскими измышлениями, называются еретиками или сектантами». Если следовать логике следователей и

прокурора, то необходимо признавать этот катехизис экстремистским, а всем православным запретить верить и говорить о том, что их религия истинная. А если скажешь, то привлечем тебя к уголовной ответственности. Православных пока не привлекают к уголовной ответственности, пока экспериментируют на Свидетелях Иеговы. Но что будет завтра, мы не знаем. Беспокоит следующее: еще десяток подобных уголовных дел сейчас находятся в производстве следователей Следственного Комитета при прокуратуре РФ в различных субъектах Российской Федерации. Обвинения аналогичные, доводы аналогичные. Очень хочется верить в то, что следователи и прокуроры после вынесенного приговора Александру Калистратову сделают соответствующие выводы и поймут, что в стране есть Конституция, которую нельзя нарушать. Но если они не сделают соответствующих выводов, то нынешний период жизни России без преувеличения можно будет назвать периодом инквизиции. Надеемся, что этого не произойдет.

Гефтер В.М.: Спасибо. После такого тщательного не только уголовно-правового, но и мировоззренческого анализа трудно что-то добавить, хотя есть что сказать. Может быть, вы сначала Михаил Иванович?

Одинцов М.И.: Я участвовал в данном судебном процессе в качестве защитника Александра Калистратова, дважды выезжал в Горно-Алтайск и в течение недели каждый раз участвовал в судебных заседаниях. Вообще я исследователь XX столетия. Я много изучал все, что связано с судебными процессами в России. Но никогда не думал, что сам буду участвовать в таком судебном процессе, где шел не поиск

истины, а делалась попытка найти основание, чтобы осудить человека за его личные мировоззренческие, в данном случае религиозные, убеждения. Две недели я провел в таких семинарских занятиях, где, действительно, как сказал адвокат, выяснялись вопросы, не имеющие никакого отношения к праву как таковому. Не рассматривались никакие правовые коллизии, обстоятельства, события, факты, так или иначе свидетельствующие об умыслах, о действиях Калистратова. Все крутилось вокруг вопросов: во что вы верите? Как вы верите? Кому поклоняетесь? Какие обряды надо совершать? Как вы относитесь к той или иной религии? Почему вы такой, а не такой? То есть проблематика совершенно не соответствующая судебному заседанию. У меня осталось очень негативное впечатление от этих судебных заседаний, от обвинительного заключения и от самого поведения представителя прокуратуры. Во всем обвинении читалось, что как написали, так и будет, истина только здесь и больше нигде, ничего нам больше не надо, чисто формально мы можем вас послушать, но знайте то, что истину мы уже нашли. Абсолютная безучастность, безразличие, читаемое во всем: в позе, выражении лица, в потухших глазах. Меня это внутренне коржило. Ведь речь идет не просто о событии преступления, а речь идет о судьбе человека, который будет за то, что верит, сидеть в тюрьме, как хотела

сторона обвинения. И не только он, но и другие присутствующие, фактически будущие жертвы такого подхода. Но со стороны органов, которые, как кажется, должны надзирать за тем, чтобы законодательство соблюдалось в полной мере, точно и по букве и по духу,— абсолютно какое-то безразличие. Я бы это оценил, как абсолютно безнравственную позицию. Мне это было очень и очень горько осознавать. Конечно, как и все присутствующие, я удовлетворен тем, что суд принял то решение, которое мы слушали. Я думаю, вряд ли можно говорить о какой-то победе *правосудия*, мне представляется, что это скорее всего мужественный поступок *человека*. Судья, женщина, на которую обрушилась такая информация, была в очень сложном положении. Учитывая, безусловно имеющиеся давление в формировании ее представления о том, что происходит в зале судебного заседания, мне думается, что это мужественный, личный поступок этого судьи. Честь и хвала этому человеку. Две недели, сидя в зале, я смотрел на нее и думал, как она выйдет из этого положения, насколько сможет проникнуться минутой ответственности, которая выпала не на кого-то из предшественников до нее, а на нее лично как на судью. Она по сути дела представляла весь судейский корпус в процессе. Истину как таковую. Я с огромным уважением отношусь к поступку этой миловидной, скромной, миниатюрной женщины, которая проявила такую волю и такой характер. Мне хотелось бы, чтобы данное решение тщательно изучалось теми правоохранительными органами, на которые возложены защита прав и свобода граждан. Мне хотелось бы, чтобы все, что записано в этом решении, было воспринято ими не только с профессиональной точки зрения, но и внутренним чувством, но и сердцем и умом, чтобы мы, наконец-то, открыли глаза и увидели, что от их поступков, от их поведения, от их внутренней убежденности и настроения зависят судьбы миллионов российских граждан. Я хотел бы, чтобы те судебные процессы, которые сейчас на различных стадиях ведутся в России в отношении Свидетелей Иеговы, в отношении представителей иных религиозных организаций, чтобы участники со стороны обвинения — как первый шаг — осмыслили, что они делают, а как второй шаг — переосмыслили ту заведомо неверную, неправильную позицию, с которой они идут в эти суды. Хотелось бы, чтобы никому и никогда в нашей России не приходилось присутствовать или участвовать в подобного рода неправых деяниях, и тем более оказаться обвиняемыми в том, что ты веришь.

Гэфтер В.М.: Спасибо. Очень прочувствованная сегодня пресс-конференция, я давно себя так не чувствовал — как на исповеди. Вы знаете, я попробую не повторять того, что сказано, а выступить в других ипостасях. В первую очередь, я, как председатель правления общества «Мемориал», хочу обратить ваше внимание, что как раз в эти дни прошло 60 лет с того момента, как при Сталине была эта административная

высылка тысяч Свидетелей Иеговы в Сибирь, и вы знаете, что до Сталина находились и другие выдающиеся деятели — эффективные менеджеры — которые так же относились в

нацистской Германии к этой группе. И это очень показательно, понимаете, именно в Сибири, на Горном Алтае, в эти же дни заканчивался процесс нового организационного типа. Поэтому, я думаю, это дополнительный символ памяти и информационный повод, чтобы сегодня говорить об этом. Я выступаю как государственный деятель, поскольку я член Совета при Президенте, хотя я зарплаты, как вы понимаете, не получаю, но все-таки имею отношение к государственным структурам. Вы замечательно сказали: два года работала мощнейшая группа следователей. Это же сколько государственных, наших с вами, денег потрачено на эту, простите меня, чушь?! Я бы очень хотел, если бы можно было, чтобы за этим оправдательным приговором последовал бы иск к конкретным прокурорам и органам прокуратуры Следственного комитета за неисполнение их должностных обязанностей. Понимаете, чтобы из их зарплаты высчитывалось. Что же происходит такое в стране, в которой все написано, а действуют совершенно по-другому. Это один аспект, по-моему, очень важный, который, мне кажется, мы должны доводить до реальных последствий. Дело не только в судьбе Александра Калистратова и других сторонников Свидетелей Иеговы, хотя это, конечно, в первую очередь, а дело в обществе, которому всеми этими квазиправовыми преследованиями наносится серьезнейший удар. Я не буду вам читать, какие за последние годы есть административные преследования, судебные преследования в адрес тех или иных лиц или территориальных общин Свидетелей Иеговы. И это не случайно, это не просто такой ветер прошел, и обратили на них внимание. Я видел документы, которые пришли от полпредов Федеральных округов, от должностных лиц органов прокуратуры, даже от заместителя генерального прокурора господина Гриня, который прямо, несмотря на то что генеральный прокурор выяснил, что ничего противозаконного у Свидетелей Иеговы нет, дает указания на местах проверять их на экстремизм. И теперь вот самое важное для меня с правовой точки зрения: это не имеет никакого отношения к экстремизму — даже в понимании Российской Федерации, которое все больше и больше вызывает у нас и тревогу, и возражение уже на так называемом общеевропейском уровне. Это никакой не экстремизм. То, что написано в «Законе о противодействии экстремистской деятельности», даже это... Я поспорю сейчас с адвокатом. Предположим, что Свидетели Иеговы говорили бы, что Свидетели Иеговы истинная религия, а все остальные — дьявольские и сатанинские. И требуется их, предположим, уничтожить, не мечом, а словом. И что же в этом противозаконного? Отношение к мыслям и идеям. 282-я статья УК говорит о разжигании ненависти и вражды к людям, а совсем не к идеям. Понимаете, у нас все перевернуто с ног на голову. Три дня назад я был в рабочей группе Верховного суда, в котором готовится постановление Пленума о применении антиэкстремистского законодательства. И вот уже есть черновик, написанный вроде бы людьми с правовым мышлением (я их видел, вполне нормальные люди без рожек и всяких прочих инквизиционных или дьявольских примет). В обсуждении доходим до момента разжигания розни по 282-й. Идет перечисление мотивов, доходим до религиозных. Значит, во всех остальных мотивах написано: «По отношению к лицам или группам лиц». А здесь что вы думаете? Написано: «По отношению к религии и религиозным объединениям». Я сказал: «Постойте господа, а чем религиозный мотив отличается от других мотивов разжигания ненависти или вражды? Почему вы вдруг идеологию „протаскиваете“ сюда через 282-ю статью и еще пытаетесь разъяснить судьям, что это правомерно. И вот отсюда это все и плодится. И прокурор, и следователь, и судьи, понимаете. Она не идеально написана (282-ая статья), мы ее в 2003 году хотели поправить, поправить кардинально, потому что понимали, к какому правоприменителю мы с этим УК попадем. Потому что, если разжигание ненависти понимается так расширительно, понимается по всем другим мотивам, как социальным группам, то это новое инквизиционное оружие, вложенное так или иначе в головы правоохранителям. И вот, мы получаем, значит, вывод, это не просто прецедентное решение для Российской Федерации, хотя наша правовая система построена не по прецеденту. Это сигнал к тому, что нужно кардинально изменять правоприменительную, судебную практику, изменять

этот пресловутый закон в его определении экстремизма. А вы знаете, что самое интересное, на этом обсуждении в будущем Пленуме Верховного суда мы говорим, что Шанхайской декларацией написано, что экстремизм — это насилие или призывы к насилию, а вовсе не любые слова, любое неприятие. А один правоприменитель нам говорит: «А зачем нам Шанхайская декларация, у нас УК есть!» Тогда возникает вопрос: вы замечаете Шанхайскую декларацию, когда вам нужно кого-то поймать по терроризму... Это относится не только к этой группе, это относится и к другим малым профессиональным группам, я имею в виду по количеству сторонников, это относится и к политической оппозиции. Мне кажется, наступил момент, когда мы должны сделать поворот, и не назад, а именно вперед, к европейским стандартам, к тому, что все это антиэкстремистское законодательство должно быть пересмотрено в духе права. Иначе мы будем тратить безумные деньги, здоровье и нервы наших людей, таких, как Александр Калистратов. По-моему, это большой антигосударственный элемент в нашей жизни, эти неправомерные преследования.

Ведущая: Пожалуйста, вопросы:

Ситников Михаил, Религиополис: Валентин Михайлович, сразу такой вопрос. Когда вы указали на абсурдность вот этого применения понятия экстремизм к религиозным убеждениям, к религиозной системе, как отреагировало это сообщество на совете?

Гефтер В.М.: Я даже не мог понять, в чем дело, что произошло в нашем сознании за эти годы. После советской эпохи, когда преследовали антисоветскую идеологию, антисоветские убеждения, головы правоприменителей, казалось бы, проветрились и наконец люди должны нормально относиться, но мне говорят, а как же борьба с сатанизмом? А как же борьба с исламским экстремизмом? Такая путаница в головах! Конечно, действительность стала труднее, чем была раньше. Раньше все было черно-белое — советское и антисоветское, за тебя партия и правительство решили. А здесь же правоприменитель — центр «Э», с которым я в хороших отношениях, его руководство, понимает, о чем мы говорим, когда мы с ними встречаемся, я имею в виду департамент центра экстремизма при МВД. И прокуратура, в которой вроде не последние, простите, идиоты сидят, и прочие. И в то же время, вот вам, пожалуйста, правоприменительное практика. Значит, опять указание, линия на борьбу с экстремизмом, частичка которого называется терроризм, как вы понимаете. Это вообще, по-моему, выходит за все пределы. А еще есть роль некоторых, которые ровнее других конфессий, с которыми нужно, так сказать, не поссориться, есть другие внеправовые факторы, особенно в регионах, которые просто давят на эти процессы, я уже не говорю про план и про все остальное, что вы знаете. Поэтому, что тут скажешь. Правоприменители такие, к сожалению. Вот у нас работают государственные органы, и вы знаете, к чему приходят? Что для того чтобы предупредить злоупотребление правосудием, злоупотребление такого рода пониманием права, государство в лице разумных людей вынуждено идти на то, чтобы загнать их в рамки, так, чтобы они не могли злоупотребить своим правом, то есть пойти антилиберально. Заставить правоприменителя. Раз он такой извращенный, то не дадим ему шага ни вправо, ни влево. Это глупость! Тогда что такое независимость суда, что такое право с точки зрения мировых, европейских стандартов? Если вы заставляете их работать, чиновников, по инструкции. Но, получается, шарахаемся в другую сторону только потому, что это связано с легализацией уголовного законодательства в целом. Вот мы все время находимся в этом узком ущелье.

Жеребятьев Михаил, Портал-Кредо.ру: У меня вопрос к Михаилу Одинцову. Как мы, исследующие религиозные процессы современности и пишущие на эти темы, знаем, большую слишком роль играет экспертиза. Экспертиза некачественная, просто

некомпетентная. Как эту ситуацию можно изменить? В любой момент новые экспертизы будут лежать в основе очередных процессов. Спасибо.

Одинцов М.И.: Вы задаете вопрос, который государство не может разрешить. Я считаю, что кроме того что здесь было указано, в основе таких неверных шагов, позиций лежит и вопрос религиозоведческого невежества представителей органов власти, абсолютное религиозоведческое невежество, которое ведет к тому, что исчезает правовое, научное определение такого главного понятия нашей Конституции, как отделение религиозных объединений от государства. И государство в лице различных его представителей, должностных лиц начинает возвращаться к прежнему, считает, что оно, они, правят и вторгаются в сферу, которая отделена и не подвластна, отчуждена от государства как такового. И, потеряв смысл главного тезиса об отделении, попадают в те ситуации, в которые были и вот в этом суде. Все идет к самокопанию в сфере, которая не подлежит исследованию государством. Это иная отделенная от государства сфера. Отталкиваясь от этого, я считаю, что раз принцип отделения занесен, то у нас должна быть соответствующая экспертиза. Государственная религиозоведческая экспертиза. Не та, которая сегодня записана для установления: религиозная эта организация или нет, а для установления более широкого круга вопросов. Что это за религиозная организация, в чем ее особенность? Исторические ее бытования, особенности выражения ее веры, то есть это научный взгляд на религиозную организацию, которая от государства отделена, и вот этот научный взгляд должен помогать государству выносить правильное решение, и, я считаю, что раз проблема у нас вот именно такого уровня — государство и религиозное объединение,— то и решаться эти проблемы не могут на уровне районов, поселков и других каких-то территорий. Но во всяком случае, на уровне субъекта должен подниматься всякий раз вопрос, когда дело идет о деятельности отделенной от государства религиозной организации. На уровне субъекта, на уровне государства может идти рассмотрение этих вопросов. А не на иных каких-то уровнях, где специалистов соответствующих нет. Но и второе, что я бы сказал, конечно, речь идет о каком-то моральном оздоровлении научного сообщества. Хочется крикнуть им всем: дорогие коллеги, друзья, товарищи, господа религиозоведы! Очнитесь, одумайтесь, прежде чем ставить свою подпись, вчитайтесь в то, что вы пишете на бумаге, то, что становится затем судебным решением. За каждой вашей подписью судьбы людей. Мне кажется, честнее и праведнее не принимать участие в некачественных экспертизах, чем марать свое доброе имя. Я думаю, люди, которые подписались под этими псевдоэкспертизами, навсегда войдут в анналы антиученых нашей российской науки. Мне бы не хотелось, чтобы этот состав расширялся. Поэтому вот мой призыв к коллегам, ученым, религиозоведам: участвуйте в процессах, привносите туда науку, защищайте науку, защищайте право, защищайте людей, но ни в коей мере не играйте на полях, где творится беззаконие.

Гефтер В.М.: Есть два конкретных предложения, которые до сих пор не рассмотрены. Первое, это шейх, который возглавляет духовное управление европейской части мусульман. Он давно предлагал перенести компетенцию рассмотрения даже о признании материалов антиэкстремистскими на уровень субъектов Федерации и даже округов. Правда, давно пора, что это должно быть в компетенции суда такого, который, но понятно.... Хотя к счастью здесь оказался в данном случае первой инстанцией оказался городской суд в Горно-Алтайске. И второе, наконец, нужно признать какую-то сертификацию, чтобы делала не государственные органы исполнительной власти или там прокуратуры, а сертификацию экспертных учреждений делал частный, государственный при Минюсте, но только мы знаем, что там тоже есть свои напряженки, но есть аппарат Уполномоченного, других общественных институтов — совет, который сертифицировал по всем направлениям экспертов, иначе правоприменители каждый раз будут подбирать удобного эксперта, по знакомству или не знаю, по какому такому фактору. И пошло-поехало.

Жеребятъев Михаил: Но здесь есть еще одна опасность, очень много появилось православно-теологических факультетов и они со своих позиций могут. Если формируется такой институт, то он должен прежде всего исходить из буквы и духа закона. Это светская экспертиза, эксперт может иметь любые религиозные представления, но, простите, он должен находиться в жестких рамках.

Гефтер В.М.: Это называется не на паритете конфессии основана экспертиза, там посадили одного из пяти главных так называемый конфессий.

Жеребятъев Михаил: Ну, так это как раз и происходит!..

Гефтер В.М.: Это на самом деле экспертиза религиоведов, ученых, а может и практиков, правозащитников. А все конфессии в этом смысле должны быть равны, иначе будет заинтересованность, будет что-то иное. Вот у нас какое-то извращение, что в духовной сфере, есть конфессии, которые имеют предпочтения и называются главными.

Топин Борис, Проза.Ру: Не связываете ли вы этот оправдательный приговор с результатами нашумевшего дела прокуратуры московской области, конфликт ФСБ и прокуратуры, который их поссорил, связанный с «крышеванием» игорного бизнеса, и в данном случае суд решил дистанцироваться от прокуратуры?

Женков В.Ю.: Я не связываю оправдание Калистратова и победу адвокатов, или уступка чья-то со стороны правосудия связаны с этим делом. Полагаю, что это победа здравого смысла. Эти два дела никак не связаны.

Судья Соколовская М.Н. (видеозапись из зала суда): «Горно-Алтайский городской суд Республики Алтай в составе: Председательствующего - судьи Соколовской М.Н., с участием государственного обвинителя - прокурора отдела прокуратуры Республики Алтай Яимова Б.И., подсудимого Калистратова Александра Викторовича, защитников - адвокатов: Женкова В.Ю., представившего удостоверение №1628 и ордер № 58 от 04 октября 2010 года, Чимилова А.Ю., представившего удостоверение № 4631 и ордер № 6341 от 29 сентября 2010 года, Шипилова В.Л., представившего удостоверение № 299 и ордер № 1061 от 03 октября 2010 года, защитника Одинцова М.И., при секретарях Борисовой Е.В., Максаровой Н.Н., рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении: Калистратова Александра Викторовича, родившегося 16 июля 1976г. в г.Бийск, Алтайского края, гражданина РФ, с высшим образованием, в браке не состоящего, работающего дворником в МДОУ «Детский сад №7 г. Горно-Алтайска», зарегистрированного и проживающего в г. Горно-Алтайске, Республики Алтай... не судимого, находящегося на подписке о невыезде и надлежащем поведении, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.282 УК РФ... На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 302, 304, 305, 306 УПК РФ, суд **приговорил:** Оправдать Калистратова Александра Викторовича по предъявленному обвинению в совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ, на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ за неустановлением события преступления. Мера пресечения Калистратову А.В. в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении отменить. Признать за Калистратовым А.В. право на реабилитацию в соответствии со статьями 135, 136 УПК РФ и обращение в Горно-Алтайский городской суд Республики Алтай с требованием о возмещении имущественного и морального вреда, связанного с уголовным преследованием».

Ведущая: У меня вопрос к Калистратову. Почему вы работаете дворником, хотя у вас высшее образование?

Калистратов А.В. (по телефону из Горно-Алтайска): К сожалению, в Горно-Алтайске я не смог работать по своей специальности, поскольку директор школы, в которой я работал, был хорошо осведомлен, что в свободное от работы время я проповедовал учение Свидетелей Иеговы. Он сказал, что если бы у меня была другая вера, то я мог бы продолжать работать. Ко мне как специалисту, психологу нет претензий, в то же время у меня не подходящая конфессия.

Ведущая: Желаете что-то добавить?

Калистратов А.В. (по телефону из Горно-Алтайска): Да, действительно, это очень важный вопрос и мне очень приятно, что вы обратили на него внимание, провели эту пресс-конференцию. Я надеюсь, прокурорские работники, которые работают в других городах, увидят материалы этой конференции и отнесутся к своей работе также добросовестно, как это сделала судья Марина Соколовская в Горно-Алтайске.

Ведущая: Надеюсь что-то у вас изменится и профессионально.

Гефгер В.М.: Вот, начали с хорошего, с оправдательного приговора, а впечатление последнее грустное. Такой человек, с высшим образованием, практически запрет на профессию. Как записано в «Мастере и Маргарите»: «грустна земля наша», что вот такие хорошие люди вынуждены работать дворниками.

Ведущая: Спасибо большое всем.